О ”нашем” Анархизме

Эррико Малатеста

1 апреля 1924

У меня такое впечатление – и по тому, что появляется в наших различных периодических изданиях в Италии и за границей, и по тому, что присылают нам товарищи и что в значительной части остаётся неопубликованным из-за нехватки места или потому, что набор и вёрстка решительно не поспевают, – у меня, говорю я, впечатление, что нам ещё не удалось добиться, чтобы все поняли цели, которые мы ставим перед этим изданием.

В самом деле, есть те, кто, истолковывая по-своему наше явное стремление к практичности и к осуществлению наших идей, полагает, что мы намерены «начать ревизионистский процесс ценностей теоретического анархизма», и, сообразно со своими склонностями и предпочтениями, боится или надеется, что мы хотим отказаться – на практике, если не в теории – от наших строго анархических воззрений.

Ничего подобного.

В действительности мы не считаем, как некоторые заставили нас сказать, что существует «антиномия между теорией и практикой». Мы, напротив, считаем, что вообще теория верна лишь тогда, когда она подтверждается практикой, и что в нашем случае, если анархию нельзя осуществить сразу, то вовсе не из-за недостаточности теории, а потому, что не все являются анархистами, и анархисты ещё не обладают силой, чтобы завоевать хотя бы свою собственную свободу и заставить уважать её.

Словом, мы остаёмся твёрдыми в идеях, которые с самого возникновения были душой анархического движения, и нам решительно не от чего отрекаться. Говорим это не в качестве заслуги, ибо если бы мы считали, что в прошлом впали в ошибку, мы почли бы своим долгом признать это и исправиться; но говорим это потому, что это факт. И тот, кто знает пропагандистские писания, распространённые повсюду основателями этого Журнала, вряд ли смог бы найти хоть одно противоречие между тем, что мы говорим сейчас, и тем, что говорили более чем пятьдесят лет назад.

Итак, речь идёт не о «ревизии», а о развитии идей и их применении к текущим обстоятельствам.

Когда анархические идеи были новинкой, которая изумляла и ошеломляла, и можно было лишь вести пропаганду ввиду далёкого будущего, а сами попытки восстания и добровольно спровоцированные и принятые на себя судебные процессы служили лишь для привлечения общественного внимания в целях пропаганды, –

тогда могло быть достаточно критики современного общества и изложения идеала, к которому стремились. Даже вопросы тактики в сущности были лишь вопросами о лучших средствах для распространения идей и подготовки индивидов и масс к желанным преобразованиям.

Но сегодня времена более зрелые, обстоятельства изменились, и всё заставляет думать, что в срок, который мог бы быть близким, но который уж точно не очень далёк, мы окажемся в возможности и в необходимости применить теории к реальным фактам и показать, что мы не только более правы, чем другие, в силу превосходства нашего идеала свободы, но и потому, что наши идеи и наши методы наиболее практичны для достижения максимума свободы и благосостояния, возможного при нынешнем состоянии цивилизации.

Сама свирепствующая и тревожная реакция держит страну в состоянии неустойчивого равновесия, которое оставляет открытым путь как для всех надежд, так и для всех катастроф. И анархисты могут в любой момент быть призваны показать свою ценность и оказать на события давление, которое поначалу может и не быть преобладающим, но будет тем больше, чем больше будет их число и их моральная и техническая способность.

Следовательно, необходимо воспользоваться этим переходным периодом, который может быть лишь периодом спокойной подготовки, чтобы собрать как можно больше моральных и материальных сил и быть готовыми ко всему, что может произойти.

***

Факт, который нельзя упускать из виду, таков: мы – относительно небольшое меньшинство и останемся таковым до того дня, когда изменение внешних обстоятельств – улучшенные экономические условия и возросшая свобода – не поставит массы в условия, позволяющие им лучше понять нас, а нас – в положение, позволяющее практически осуществлять наше дело.

Однако экономические условия не улучшатся заметно и устойчиво, и свобода не возрастёт серьёзно, пока будет существовать капиталистическая система и государственная организация, стоящая на защите привилегий. Поэтому в тот день, когда по причинам, в значительной мере ускользающим от нашей воли, но которые существуют и должны произвести свои следствия, равновесие будет нарушено и разразится революция, мы окажемся, как и сейчас, в качестве незначительного меньшинства среди различных сил в конфликте.

Что же нам делать?

Устраниться от движения было бы моральным самоубийством сейчас и навсегда, ибо без нашего дела, без дела тех, кто хочет толкать революцию вплоть до полного преобразования всех общественных порядков, вплоть до упразднения всех привилегий и всех властей, революция закончилась бы, ничего существенно не преобразовав, и мы оказались бы в тех же условиях, что и теперь. В другой будущей революции мы всегда были бы малым меньшинством и должны были бы снова устраняться от движения, то есть отказываться от самого смысла нашего существования, который состоит в том, чтобы всегда бороться за уменьшение (пока не удастся достичь полного упразднения) власти и привилегии – по крайней мере для нас, кто верит, что

пропаганда, просвещение могут в любой конкретной социальной среде охватить лишь ограниченное число индивидов, и что необходимо изменить условия среды, прежде чем станет возможным моральное возвышение новых слоев населения.

Что же делать?

Вызывать, если это в наших силах, самим движение, участвовать в нём всячески всеми нашими силами, придавать ему наиболее либертарный и наиболее эгалитарный характер, насколько это будет для нас возможно, поддерживать все силы прогресса, защищать лучшее, когда нельзя достичь наилучшего; но всегда сохранять ясно различимым нашу сущность, сущность анархистов, которые не хотят власти и не терпят, когда её берет кто-то другой.

Среди анархистов – мы бы сказали, среди так называемых анархистов – есть те, кто думает, что, поскольку массы сейчас неспособны организоваться анархически и защитить революцию анархическими методами, нам самим следует захватить власть и «навязать анархию силой». (Фраза, как знают наши читатели, была произнесена буквально, во всей своей грубости).

Я не буду здесь повторять, что тот, кто верит в воспитательную силу грубой силы и в свободу, продвигаемую и развиваемую действиями правительств, может быть кем угодно, мог бы даже быть прав против нас, но уж точно не может называться анархистом, – он тогда лгал бы себе и другим.

Замечу лишь, что если правительство и должно быть, то не мы могли бы им быть – и потому, что мы слишком малое меньшинство, и потому, что у нас нет качеств, нужных для завоевания и удержания власти, и потому что, скажем в честь истины, даже среди тех странных товарищей, которые хотели бы примирить анархию с «временной» диктатурой, не находится или находится слишком редко тот, кто способен быть законодателем, судьёй, карабинером… и генералом-убийцей! Среди нас вполне могли бы быть некоторые, и уж точно не из лучших, кто по невежеству или по менее признаваемым причинам примкнул бы к победившей партии и попытался бы получить кусок правительственного пирога, но они лишь предали бы дело, которое намерены защищать, как сделали некоторые мнимые русские анархисты, как делают те «социалисты», что вступают в союз с буржуазией, чтобы продвигать социализм, или те «республиканцы», что отдаются монархии, чтобы подготовить республику.

Поэтому в революции необходимо добиваться, чтобы массы овладели землёй, орудиями труда и всем общественным богатством, чтобы требовали и брали всю свободу, на которую они способны, чтобы организовывали, как могут и как хотят, производство, обмен и всю общественную жизнь независимо от всякого правительственного принуждения; необходимо бороться со всякой централизацией, чтобы оставить полную свободу отдельным местностям и помешать другим использовать более отсталые массы, которые всегда составляют великое численное большинство, чтобы задушить порыв более передовых регионов, коммун и групп – мы должны во всех случаях требовать для самих себя самой полной автономии и средств, чтобы организовывать нашу жизнь по-своему и стараться увлечь массы силой примера и очевидностью достигнутых результатов.

***

В Южной Америке образовался «Аргентинский либертарный альянс», который претендует на то, что превзошёл «догматический и закосневший анархизм» и «представляет новое историческое направление анархизма». Мы не получили «Учредительный манифест» этой ассоциации и не можем судить с полным знанием объявленных «железных концепций, выработанных за пятнадцать лет горячей, смелой и глубокой ревизии доктринальных ценностей анархизма». Надеемся сделать это позже. Пока нам кажется, что речь идёт о той же самой попытке, уже предпринятой и вскоре провалившейся в Европе, примирить анархизм с диктатурой и подобными московскими продуктами.

Пока мы видим, что «El Libertario» из Буэнос-Айреса, орган этого «альянса», счёл увидеть в наших намерениях шаг к ревизии, совершённой и принятой его друзьями. Однако он находит, что нам не хватает «начальной энергии» и у нас нет смелости дойти до последних следствий того, что ему кажутся нашими желаниями – вещь совершенно естественная, поскольку то, чего мы действительно хотим, совсем не то, что он вообразил.

Истина в том, что товарищи из «Libertario» плохо знают нашу прошлую деятельность и ещё хуже истолковывают наши намерения на настоящее и будущее.

В самом деле, «El Libertario», говоря о занятии фабрик, огромное революционное значение которого он признаёт и в поражении которого справедливо видит начало торжества фашизма и реакции, приписывает нам поистине фантастические вещи.

По словам «El Libertario», «итальянские анархисты, оказавшись перед лицом ответственной ситуации, смелого руководства, поставили в такой решающий миг проблему противоречий между анархической теорией и революционной практикой. Вопросы скрещивались, как блуждающие огни (sic). Можем ли мы как анархисты и не переставая быть таковыми возвыситься до руководителей этой революции? Позволено ли врагам всякой власти навязывать программу немедленных осуществлений буржуа и рабочим? Анархично ли отнимать фабрики у буржуа против воли последних?»

В столь византийском споре восторжествовал доктринёрский критерий. Итальянским анархистам в тот решающий момент не хватило прозорливости и смелости, которые в России дали торжество ленинистам. Наши товарищи показали себя столь же превосходными теоретиками, сколь и скверными революционерами. Следствием такой фатальной нерешительности стало поражение итальянского пролетариата. Перед лицом такого результата воспевать превосходство чистой доктрины равносильно… танцу тарантеллы».

Но кто же внушил «El Libertario» такие небылицы?

И, откровенно говоря, анархисты ли они, знали ли они когда-нибудь, что такое анархизм, если полагают, что согласно анархическим теориям, согласно тому, что они называют «чистой доктриной», для экспроприации буржуа нужно разрешение самих буржуа?

Или они являются скорее диктаторскими коммунистами, замаскированными под анархистов, поскольку, как и коммунисты, верят или делают вид, что верят, будто мы хотели бы оставить буржуа свободу эксплуатировать рабочих, полицейским –

свободу заключать в тюрьму или убивать революционеров… а следовательно, и коммунистам – свободу расстреливать анархистов?

Занятие фабрик и земель было совершенно ясно написано в нашей программной линии, совершенно соответствовало «чистой доктрине», и ни один анархист никогда и не помышлял ставить вопросы, которые воображает «El Libertario».

Мы делали всё, что могли, газетами («Umanità Nova» ежедневная и различные анархические и синдикалистские еженедельники) и нашим личным действием на фабриках, чтобы движение усилилось и стало всеобщим. Мы предупреждали, увы, верные пророки, рабочих о том, что с ними случится, если они оставят фабрики, помогали готовить вооружённое сопротивление, предвидели возможность совершить революцию почти без боя, если бы только была проявлена решимость использовать оружие, которое было накоплено.

Мы не преуспели, и движение провалилось, потому что нас было слишком мало, а массы были слишком мало подготовлены.

Когда Д'Арагона и Джолитти сговорились о фарсе рабочего контроля, с попустительства социалистической партии, которой тогда руководили коммунисты, мы кричали о предательстве и устремлялись на фабрики, чтобы предостеречь рабочих против несправедливого обмана. Но как только был разослан приказ [Всеобщей] Конфедерации [Труда] уйти с фабрик, рабочие, – которые, правда, всегда принимали нас и с энтузиазмом требовали нашего прихода, аплодировали нашим призывам к сопротивлению до конца, – они, рабочие, послушно подчинились приказу, хотя и располагали мощными военными средствами для сопротивления.

Страх в каждой отдельной фабрике остаться одним в борьбе и трудности обеспечения продовольствием различных отрядов побудили всех к сдаче, несмотря на противодействие отдельных анархистов, рассеянных по фабрикам.

Движение не могло дальше существовать и победить, не расширяясь и не становясь всеобщим, а в тех обстоятельствах не могло расшириться без согласия руководителей Всеобщей конфедерации и Социалистической партии, которые располагали огромным большинством организованных рабочих. Конфедерация и Социалистическая партия (включая коммунистов) выступили против, следовательно всё должно было закончиться победой хозяев.

И «El Libertario» хочет представить дело так, будто движение провалилось потому, что итальянские анархисты считали, что не анархично отнимать фабрики у буржуа без согласия самих буржуа!

Дискуссия вырождается в фарс.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
О ”нашем” Анархизме
1 апреля 1924

Pensiero e Volontà, год 1, №7

ru.anarchistlibraries.net